

Озорной Лермонтов. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> приятного чтения!

Озорной Лермонтов. Михаил Юрьевич Лермонтов

Стихотворения и эпиграммы

Заблуждение Купидона

Однажды женщины Эроса отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,
Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
Не смея к женщинам, к нам ярость
острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей, стремится.
Ваш подлый род один! – безумный говорит.
С тех пор–то женщина любви не знает!..
И точно как рабов считает нас она..
Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смиренней, на тех падет вина!

Тамара

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.
В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.
И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.
И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.
На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.
На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина.
Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.
Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.
Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.
Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;
И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что–то белело,
Звучало оттуда: прости.
И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

Мадригал

«Душа телесна!» – ты всех уверяешь смело;
Я соглашусь, любовью дыша:
Твое прекраснейшее тело
Н е что иное, как душа!..
«Он был в краю святом...»
Он был в краю святом,
На холмах Палестины.
Стальной его шелом
Исекли сарацины.
Понес он в край святой
Цветущие ланиты;
Вернулся он домой
Плешивый и избитый.
Неверных он громил
Обеими руками –
Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.
Встречаясь с ним подчас,
Смущались красотки;
Он п... их не раз,
Перебирая четки.
Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит – детей содом,
Жена его брюхата.
Пришибло старика:
За что ж с врагами бился?
Он дрался там, пока –
С женой другой скоблился.
«Очарователен кавказский наш Монако!..
Очарователен кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы;
В нем лихорадят нас вино, игра и драка,
И жгут днем женщины, а по ночам – клопы.
«За девицей emilie...»
За девицей Emilie
Молодежь как кобели.
У девицы же Nadine
Был их тоже не один;
А у Груши в целый век
Был лишь Дикой человек.
Эпиграмма
Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной всё то же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, Боже!..
Грузинская песня
Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился:
Ах! ею старый армянин
Гордился!..
Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика.
Его рука
Ласкает деву всякий день:
И что же? –
Скрываются красы как тень.
О боже!..
Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но всё любовь
Презрела. Вновь

Румянец на щеках живой
Я вился,
И перл между ресниц порой
Не бился...
Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
Как перенести!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
И звезда! –
И труп преступницы волнам
Он предал.
Моя мольба
Да охранюся я от мушек,
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной – и –
От романтических старушек.
(Глупой красавице)

1

Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина –
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.

2

Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страстной,
Как голова твоя – пуста.

А. Д. З...

О ты, которого клевет твой верный Павел
В искусстве ёрников в младенчестве
наставил;

О ты, к которому день всякий Валерьян
На ваньке приезжал ярыгой, глуп и пьян,
Которому служил лакеем из лакеев
Шут, алырь, женолаз, великий Теличеев,
Приветствую тебя и твой триумвират: –
И кто сказать бы смел, что черт тебе
не брат?

Песня

Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном,
Пейте!

На пиру этой жизни, как здесь на моем,
Не робейте.

Как чаши, не бойтесь всё ставить вверх дном.

Что стоит уж вверх дном, то не может
мешать
Плутам!

Я советую детям своим повторять
(Даже с прутом):

Что стоит уж вверх дном, то не может
мешать.

Я люблю очень дно доставать на пирах
в чаше!

И даже в других больше нежных местах
У П..е.

На дне лишь есть жемчуг в морских глубинах!

Счастливей миг

Не робей, краса младая,
Хоть со мной наедине;

Стыд ненужный отгоняя,
Подойди – дай руку мне.

Не тепла твоя светлица,

Не мягка постель твоя,

Но к устам твоим, девица,

я прильну – согреюсь я.

От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну, – скидай свои одежды,
Не упрямясь, мы вдвоем;
На пирах за полной чашей,
я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;
Так скорее ж... я дрожу. –
О! как полны, как прекрасны
Груды жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;
Перед тем, чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что, мнится,
я, любя тебя, – злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.
Полон сладким ожиданьем
я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Всё, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.
«Склонись ко мне, красавец молодой!..»

1

Склонись ко мне, красавец молодой!
Как ты стыдлив! – Ужели в первый раз
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
В моих объятьях вот уж целый час
Лежишь – а страха всё не превозмог...
Не лучше ли у сердца, чем у ног?
Дай мне одну минуту в жизнь свою..
Что злато? – я тебя люблю, люблю!..

2

Ты так хорош! – Бывало, жду, когда
Настанет вечер, сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало, да, –
Ты помнишь? – Серебристая луна,
Как ангел среди отверженных, меж туч
Блуждала, на тебя кидая луч,
И я гордилась тем, что наконец
Соперница моя небес жилец.

3

Печать презренья на моем челе,
Но справедлив ли мира приговор?
Что добродетель, если на земле
Проступок не бесчестье – но позор?
Поверь, невинных женщин вовсе нет,
Лишь по желанью случай и предмет
Не вечно тут. Любить не ставит в грех
Та одного, та многих – эта всех! –

4

Родителей не знала я своих,
Воспитана старухой чужой,
Не знала я веселья дней младых
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой судьбы
я продана мужчине – ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.

С тех пор я гибну, гибну – день от дня.

5

Мне мил мой стыд! он право мне дает
Тебя лобзать, тебя на миг один
Отторгнуть от мучительных забот! –
О наслаждайся! – Ты мой господин! –
Хотя тебе случится, может быть,
Меня в своих объятьях задушить,
Блаженством смерть мне будет от тебя. –
Мой друг! – чего не вынесешь любя! –
«Расписку просишь ты, гусар...»
Расписку просишь ты, гусар, –
я получил твое посланье;
Родилось в сердце упованье,
И легче стал судьбы удар; –
Твои пленительны картины
И дерзкой списаны рукой;
В твоих стихах есть запах винный –
А рифмы льются м...ей.

К*

(Из Шиллера)

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне черт душа твоя!..
Булевар
С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо – и, право, очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварный маскарад;
Сатиrow я, для помощи призвав –
Подговорю, – и все пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то –...ко всем чертям твое перо!..
Приди же из подземного огня,
Чертенюк мой, взъерошенный остряк,
И попугаем сядь вблизи меня.
«Дурак» скажу – и ты кричи «дурак»,
Не устоит бульварная семья –
Хоть морщи лоб, хотя сожми кулак,
Невинная красотка в сорок лет –
Пятнадцати тебе все нет как нет!
И ты, мой старец с рыжим париком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жеребцом,
Как кровь ему из всех пускают жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сентябрем,
Хоть там княжна лепечет: как он мил!
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в ч**** извинить!..
Подальше на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;
Он как знаток глядит в лорнет двойной;
Волосы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти могли.
Но я клянусь (пусть кончив – буду прах),
Она тонка, когда в его ногах.
И что ж? – он прав, он прав, друзья мои.
Глупец, кто жил, чтоб на диете быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил: чтобы любить.
Замен души он находил в крови.
Но тот блажен, кто может говорить,
Что он вкушал до капли мед земной,
Что он любил и телом и душой!..
И я любил! – опять к своим страстям!

Брось, брось свои безумные мечты!
Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд – как описать все вам?
В наряде их нет милой простоты,
Все так высоко, так взгромождено,
Как бурю на них нанесено.
Приметна спесь в их пошлой болтовне,
Уста всегда сказать готовы: нет.
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки портрет;
Когда гляжу, то, право, жалко мне,
Что вкус такой имеет модный свет.
Ведь думают тенетом лент, кисей,
Как зайчиков, поймать моих друзей.
Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита и в чепчике простом –
Но как божественна была она.
Уста и взор – стыжусь! в уме моем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих ночей
Или как песня матери моей.
И сколько лет уже прошло с тех пор!..
О, верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной убор
Вскружить не в силах нашей головы.
Все платья, шляпы, букли ваши вздор.
Такой же вздор, какой твердите вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.
Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то поймет
И сам Башуцкий объяснит тотчас.
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,
Хотя – что в нем, никто не разберет:
За вами ж хвост оставленных мужьев,
Вздыхателей и бедных женихов!
О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чаду;
Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше все не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей судить.
Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот;
Лишь своему языку обучен,
Он этим край родной не выдает:
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.
«Я видел раз ее в веселом вихре бала...»
Я видел раз ее в веселом вихре бала;
Казалось, мне она понравиться желала;
Очей приветливость, движений быстрота,
Природный блеск ланит и груди полнота –
Все, все наполнило б мне ум очарованьем,
Когда б совсем иным, бессмысленным
желаньем
я не был угнетен; когда бы предо мной
Не пролетала тень с насмешкою пустой,
Когда б я только мог забыть черты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледяные!..
Прелестнице

Озорной Лермонтов. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru

Пускай ханжа глядит с презреньем
На беззаконный наш союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего;
Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,
И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..
Мы смехом брань их уничтожим,
Нас клеветы не разлучат:
Мы будем счастливы, как можем,
Они пусть будут, как хотят!

Юнкерская молитва
Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алёхин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять –
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, Царь Всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.
Послание
Катерина, Катерина,
Удалая голова!
Из святого Августина
Ты заимствуешь слова.
Но святыя изреченья
Помрачатся грехом,
Изменилось их значенье
На листочке голубом.
Так, я помню, пред амвоном
Пьяный поп, отец Евсей,
Запинаясь, важным тоном
Поучал своих детей;
Лишь начнет – хоть плачь заране..
А смотри, как силен враг!
Только кончит – все миряне
Отправляются в кабак.
«Слышу ли голос твой...»
Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;
Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,

Душа им навстречу
Из груди просится,
И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.
«Она поет – и звуки тают...»
Она поет – и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит – и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли – все ее движенья,
Иль молвит слово – все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.
<А. А. Олениной>
Ах! Анна Алексевна,

Какой счастливый день!

Судьба моя плачевна,

Я здесь стою как пень.

И что сказать не знаю,

А мне кричат: «Plus vite!»[1]

Я счастья вам желаю,

Et je vous félicite[2].

«Посреди небесных тел...»
Посреди небесных тел
Лик луны туманный:
Как он кругл и как он бел!
Точно блин с сметаной...
Каждую ночь она в лучах
Путь проходит млечный...
Видно, там на небесах
Масленица вечно!
<М. А. Щербатовой>
На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,
Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.
Как ночи Украины,
В мерцании звезд незакатных,
И сполнены тайны
Слова ее уст ароматных,
Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
Как ветер пустыни,
И нежат и жгут ее ласки.
И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых,
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.
И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на Бога
Хранит она детскую веру;
Как племя родное,
У чуждых опоры не просит

И в гордом покое
Насмешку и зло переносит;
От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.
Соседка
Не дожидаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей,
И у двери стоит часовой!
Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.
Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;
У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подыметса вдруг.
На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,
Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она, долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Все тоскует по воле, как я.
Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь – отворится клетка,
И, как Божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.
У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.
Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.
Благодарность
За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

А. О. Смирновой
В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал.
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас – хочу сказать вам много,
При вас – я слушать вас хочу:
Но молча вы глядите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что ж делать? – речь безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.
И. П. Мятлеву

На наших дам морозных
С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.
Вот дама Курдюкова,
Ее рассказ так мил,
Я от слова до слова
Его бы затвердил.
Мой ум скакал за нею,
И часто был готов
Я броситься на шею
К madame de-Курдюков.
Морская царевна
В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»
Фыркает конь и ушами прыдет,
Брызжет и плещет и дале плывет.
Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царвеною ночь?»
Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.
Вышла младая потом голова,
В косу вплелась морская трава.
Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.
Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.
Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.
К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет:
«Эй, вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...
Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»
Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.
Видит: лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;
Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;
Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.
Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...
Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!
<Н. Н. Арсеньеву>
Дай Бог, чтоб ты не соблазнился
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы молодой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блестят;
Вино поддельное, кокетка –
Для головы и сердца яд!
Юнкерские поэмы и оды
Уланша
Идет наш пестрый эскадрон
Шумящей, пьяною толпою;
Повес усталых клонит сон;
Уж поздно; темной синевою
Покрылось небо... день угас;
Повесы ропщут: «Мать их в ж...пу,

Стервец, пожалуй, эдак нас
Прогонит через всю Европу!»
– «Ужель Ижорки не видать!..» –
«Ты, братец, придавил мне ногу;
Да вправо!» – «Вот поднял тревогу!» –
– «Дай трубку». – «Тише – е... их мать».
Но вот Ижорка, слава богу,
Пора раскланяться с конем.
Как должно, вышел на дорогу
Улан с завернутым значком.
Он по квартирам важно, чинно
Повел начальников с собой,
Хоть, признаюсь, запах винной
Изобличал его порой...
Но без вина что жизнь улана?
Его душа на дне стакана,
И кто два раза в день не пьян,
Тот, извините! – не улан.
Скажу вам имя квартирьера:
То был Лафа, буян лихой,
С чьей молодецкой головой
Ни доппель-кюмель, ни мадера,
И даже шумное ай
Ни разу сладить не могли;
Его коричневая кожа
Была в сияющих угрях,
И, словом, все: походка, рожа –
На сердце наводили страх.
Надвинув шапку на затылок,
Идет он... Все гремит на нем,
Как дюжина пустых бутылок,
Толкаясь в ящике большом.
Шумя, как бес, он в избу входит,
Шинель скользя валится с плеч,
Глазами вокруг он косо водит,
И мнит, что видит сотню свеч;
Всего одна в избе лучина!
Треща пред ним, горит она;
Но что за дивная картина
Ее лучом озарена!
Сквозь дым волшебный, дым табашный,
Блистают лица юнкеров;
Их речи пьяны, взоры страшны!
Кто в сбруе весь, кто без штанов,
Пируют – в их кругу туманном
Дубовый стол и ковш на нем,
И пунш в ушате деревянном
Пылает синим огоньком.
«Народ! – сказал Лафа рыгая: –
Что тут сидеть! За мной ступай –
Я поведу вас в двери рая!..
Вот уж красавица! лихая!
П...зда – хоть ложкою хлебай!
Всем будет места... только, други,
Нам должно очередь завести!..
Пред Богом все равны...
Но, братцы, надо знать и честь...
Прошу без шума и без драки!
Сначала маленьких пошлем;
Пускай потыкают собаки...
А мы же грозные е...аки
Во всякий час свое возьмем!»
– «Идем же!..» – разъярясь, как звери,
Повесы загремели вдруг,
Вскочили, ринулись, и с двери
Слетел как раз железный крюк.
Держись, отважная красотка,
Ужасны молодцы мои,

Когда ядреная чесотка
Вдруг нападает на х...и!..
Они в пылу самозабвенья
Ни слез, ни слабого моления,
Ни тяжких стонов не поймут;
Они накинутся толпою,
М...нду до ж...пы раздерут
И ядовитой м...лофьею
Младые ляжки обольют!
Увы, в пунцовом сарафане,
Надев передник белый свой,
В амбар пустой уж ты заране
Пришла под сенью мглы ночной...
Неверной, трепетной рукой
Ты стелешь гибельное ложе!
Простите, счастливые дни...
Вот голоса, стук, гам – они...
Земля дрожит... идут... о боже!
Но скоро страх ее исчез...
Заколыхались жарки груди...
Закрой глаза, творец небес!
Зажмите уши, добры люди!
Когда ж меж серых облаков
Явилось раннее светило,
Струи залива озарило
И кровли бедные домов
Живым лучом позолотило,
Раздался крик... «Вставай скорей!»
И сбор пробил барабаны,
И полусонные уланы,
Зевая, сели на коней...
Мирзу не шпорит Разин смелый,
Князь Нос, сопя, к седлу прилег,
Никто рукою онемелой
Его не ловит за курок...
Идут и видят... из амбара
Выходит женщина: бледна,
Гадка, скверна, как Божья кара,
Истощена, изъе...ана;
Глаза померкнувшие ввали,
В багровых пятнах лик и грудь,
Обвисла ж...па, страх взглянуть!
Ужель Танюша? – Полно, та ли?
Один Лафа ее узнал,
И, дерзко тишину наруша,
С поднятой дланью он сказал:
«Мир праху твоему, Танюша!»

.....

.....

.....

С тех пор промчалось много дней,
Но справедливое преданье
Навеки сохранило ей
Уланши громкое название!
Петергофский праздник
Кипит веселый Петергоф,
Толпа по улицам пестреет,
Печальный лагерь юнкеров
Приметно тихнет и пустеет.
Туман ложится по холмам,
Окрестность сумраком одета –
И вот к далеким небесам,
Как долгохвостая комета,
Летит сигнальная ракета.
Волшебно озарился сад,
Затейливо, разнообразно;
Толпа валит вперед, назад,
Толкается, зевает праздно.

Узоры радужных огней,
Дворец, жемчужные фонтаны,
Жандармы, белые султаны,
Корсеты дам, гербы ливрей,
Колеты кирасир мучные,
Лядунки, ментики золотые,
Купчих парчовые платки,
Кинжалы, сабли, алебарды,
С гнилыми фруктами лотки,
Старухи, франты, казаки,
Глупцов чиновных бакенбарды,
Венгерки мелких шукарей,

.....
Толпы приезжих иноземцев,
Татар, черкесов и армян,
Французов тощих, толстых немцев
И долговязых англичан –
В одну картину все сливалось
В аллеях тесных и густых
И сверху ярко освещалось
Огнями склянок расписных...
Гурьбу товарищей покинув,
У моста грустно он стоял
И, каску на глаза надвинув,
Как юнкер истинный мечтал
О мягких ляжках, круглых ж...пках.
(Не опишу его мундир,
Но лишь для ясности и в скобках
Скажу, что был он кирасир.)
Стоит он пасмурный и пьяный,
Устал бродить один везде,
С досадой глядя на фонтаны,
Стоит – и чешет он м...де.
«Е...ёна мать! два года в школе,
А от роду – смешно сказать –
Лет двадцать мне и даже боле;
А не могу еще по воле
Сидеть в палатке иль гулять!
Нет, видишь, гонят, как скотину!
Ступай-де в сад, да губ не дуй!
На ж...пу натяни лосину,
Сожми м...де да стисни х...й!
Да осторожен будь дорогой:
Не опрокинь с говном лотка!
Б...ядей не щупай, курв не трогай!
Мать их распрое...и! Тоска!»
Умолк, поникнув головою.
Народ, шумя, толпится вокруг.
Вот кто-то легкою рукою
Его плеча коснулся вдруг,
За фалды дернул, тронул каску...
Повеса вздрогнул, изумлен:
Романа чудную завязку
Уж предугадывает он.
И, слыша вновь прикосновенье,
Он обернулся с быстротой,
И ухватил... о восхищенье!
За титьку женскою рукою.
В плаще и в шляпе голубой,
Маня улыбкой сладострастной,
Пред ним хорошенькая б...ядь;
Вдруг вырвалась, и ну бежать!
Он вслед за ней, но труд напрасный!
И по дорожкам, по мостам,
Легко, как мотылек воздушный,
Она кружится здесь и там;
То, удаляясь равнодушно,
Грозит насмешливым перстом,

То дразнит дерзким языком.
Вот углубилась в аллею;
Все чаще, глубже; он за нею,
Схватись за кончик палаша,
Кричит: «Постой, моя душа!»
Куда! красавица не слышит,
Она все далее бежит:
Высоко грудь молодая дышит,
И шляпка на спине висит.
Вдруг оглянулась, оступилась,
В траве запуталась густой
И с обнаженною п...здой
Стремглав на землю повалилась.
А наш повеса тут как тут,
Как с неба, хлоп на девку прямо!
«Помилуйте! в вас тридцать пуд!
Как этак обращаться с дамой!
Пустите! что вы? ой!» – «Молчать!
Смотрите, лихо как е...ать!»
Все было тихо. Куст зеленый
Склонился мирно над четой
Лежит на б...яди наш герой.

.....
.....
Вцепился в титьку он зубами,
«Да что вы, что вы?» – Ну скорей!

.....
.....
«Ах боже мой, какой задорный!
Пустите, мне домой пора!
Кто вам сказал, что я такая?»
– На лбу написано, что б...ядь!
И закатился взор прекрасный,
И к томной груди в этот миг
Она прижала сладострастно
Его угрюмый, красный лик.
– Скажи мне, как тебя зовут? –
– Маланьей. – Ну, прощай, Малаша.
– Куда ж? – Да разве киснуть тут?
Болтать не любит братья наша;
Еще в лесу не ночевал
Ни разу я. – Да разве ж даром?
Повесу обдало как варом,
Он молча м...де почесал.
– Стыдись! – потом он молвил важно:
Уже ли я красой продажной
Сию минуту обладал?
Нет, я не верю! – Как не веришь?
Ах сукин сын! подлец, дурак!
– Ну, тише! как спущу кулак,
Так у меня подол обс...решь!
Ты знай, я не балую дур:
Когда е...у, то roug amour!
Итак, тебе не заплачу я:
Но если ты простая б...ядь,
То знай, за честь должна считать
Знакомство юнкерского х...я! –
И, приосанясь, рыцарь наш,
Насупив брови, покосился,
Под мышку молча взял палаш,
Дал ей пощечину – и скрылся.

.....
.....
.....
И ночью, в лагерь возвратясь,
В палатке дымной, меж друзьями
Он рек, с колен счищая грязь:
«Блажен, кто не знаком с б...ядями!

Блажен, кто под вечер в саду
Красотку добрую находит,
Дружится с ней, интригу сводит –
И плюхой платит за п...зду!»
Гошпиталь
(Рассказ)

1

Друзья! Вы помните, конечно,
Наш Петергофский гошпиталь;
И многим, знаю я, сердечно
С ним расставаться было жаль.
Там, антресоли занимая,
Старушка дряхлая, слепая
Жила с усатым ямщиком...
Но дело вовсе не о том!
Ее служанка молодая
Нескромной бойкостию слов,
Огнем очей своих лазурных
Пленила наших грязных, бурных,
Неумолимых юнкеров.
И то сказать: на эти очи,
На эту ножку, стан и грудь
Однажды стоило взглянуть,
Чтоб в продолженье целой ночи
Не закрывать горящих глаз
И стрясть по меньшему – пять раз!

2

Однажды, после долгих прений
И осушив бутылки три,
Князь Б., любитель наслаждений,
С Лафю стал держать пари.
– Клянуся! – молвил князь удалый, –
Что нашу польку в эту ночь
я уе...у! – Поди ты прочь! –
– Шесть штук шампанского?
– Пожалуй!
И разошлись. Проходит день...
Заря угасла. Вечер ясный.
У тесной лестницы, как тень,
Наш князь вертится ежечасно.
И вот на первую ступень
Он ставит трепетную ногу:
Доска проклятая скрипит,
Бойтся он поднять тревогу.
Как быть? Вернуться? Срам и стыд.
А х...й-то! Брандером стоит.
Он осушает с ромом фляжку,
Скидает все: портки, рубашку.
«Courage! mon cher, allons, скорей!» –
кричит Choubin из-за дверей.

3

И, ободренный винным паром,
Наверх вскарабкался наш князь;
Прижал защелку – входит с жаром,
Руками за х...й свой держась;
Чердак похабный, закоптелый
Едва лампадой озарен,
Г...вно и пыль со всех сторон.
В широких креслах, в кофте белой,
В очках, недвижна, как гранит,
Слепая барыня сидит.
Она чепцом почти закрыта...
И мыслил пьяный волокита:
«Она, должно быть!.. Подойду!»
И вот, приблизясь с быстротою,
Он дерзновенною рукою
Хватил старушку за п...зду,

Озорной Лермонтов. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru

– Ага! Ну что? Попалась, душка!
– Ах! Боже мой! Да кто же тут?
– Марися, где ты? Эй, Андрюшка!
– Сюда, сюда, меня е...ут!

4

В тот самый миг со свечкой сальной
Всходил по лестнице мужик.
Вдруг слышит он: в господской спальней
Зовут на помощь, гам и крик!
Он дверь геройски отворяет,
Ударив кулаком сплеча,
И что ж, о небо! озаряет
Его дрожащая свеча?..
Худая мерзостная с...ака
В сыпи, заплатках и чирьях,
Вареного краснее рака,
Как круглый месяц в облаках,
Пред ним сияла!.. Свой огарок,
Смутясь немного, мой Андрей,
Перекрестясь, приставил к ней..
Не вкусен князю был припарок,
И он немедля с языка
Спустил лихого е...ука.

5

Меж тем мужик схватил дубину
И лезет к князю... Тот назад..
Увы, на княжескую спину
Удары сыплются как град!
– Эй, господа... Ко мне! Скорее!..
– Попался курвин сын... постой,
В другой раз будешь поумнее!
Вот раз тебе, а вот другой!
– Ты знаешь ли, я князь!
– Вот штука!
Когда ж князья е...ут старух! –
– Пусти же! – Вишь какой петух!
– Е...ена мать! – Вперед наука!
Трещит окно, трясется дом,
Шум, грохот, стулья вверх ногами,
Удары вслед за е...уками
Летят, встречаются – содом!
И видит князь: в чуланчик темной
Открыта дверь – туда скорей.
За ним с дубиной огромной
И со свечой спешит Андрей.
В окно сквозь щели ветер свищет,
Дрянная утварь на полу..
Мужик врага повсюду ищет
И видит: что-то там в углу!
Но только неуч размахнулся,
Вдруг точно черт его схватил.
Остановился, заикнулся
И тихо руку опустил.
В шинели, с грозною шматиной,
Марисю обхватя рукой,
Пред ним, кидая взгляд орлиный,
Стоял лафа, улан лихой!
Огромный, красный прыщ звездю
Блистал среди его чела;
С х...я тягучею струею
Еще зае...ина текла.
Закрыв глаза, младая дева,
Бледна и трепетна, как Ева,
Когда архангел Михаил
Ее из рая проводил,

Прижавшись к страшному улану,
В рубашке, спущенной с груди,
Шептала: «Боже! Ах, не стану...
Не бей, Андрюша, погоди!»

6

Ужасней молнии небесной,
Быстрее смертоносных стрел,
Лафа оставил угол тесный
И на злодея налетел;
Дал в зубы, сшиб его ногою,
Ему на горло наступил;
– Где ты, Барятинский, за мною!
Кто против нас? – он возопил.
И князь, сидевший за лоханкой,
Выходит робкою стопой,
И с торжествующей осанкой
Лафа ведет его домой.
Как шар, по лестнице скатился
Наш голож...пый купидон,
Ворчал, ругался и бесился
И, морщась, спину щупал он.

7

Но в ту же ночь их фактор смелый,
Клянясь доставить ящик целый,
Пошел Какушкин со двора
С пригоршней целой серебра.
И по утру смеялись, пили
Внизу, как прежде... а потом?..
Потом?! Что спрашивать? Забыли,
Как забывают обо всем.
Лафа с Марисей разошелся;
Князь мужика простил давно,
И за разбитое окно
С старухой щедро он расчелся
И, от друзей досаду скрыв,
Остался весел и счастлив.

8

Промчались дни... Марися, где ты?
Где губишь ты молодые леты?
Она исчезла!.. Никогда
Мы не найдем ее следа.
Как храм, лишась своей святыни,
Уныл наш бедный гошпиталь;
Он стал мрачней ночной пустыни..
Смешно вздыхать... а, право, жаль!
Ода к нужнику
О ты, вонючий храм неведомой богини!
К тебе мой глас... к тебе зываю из пустыни,
Где шумная толпа теснится столько дней,
И где так мало я нашел еще людей.
Прими мой фимиам, летучий и свободный,
Незрелый, слабый цвет поэзии народной.
Ты покровитель наш, в святых стенах твоих
Я не боюсь врагов завистливых и злых.
Под сению твоей не причинит нам страха
Ни взор Михайлова, ни голос Шлиппенбаха.
Едва от трапезы восстанут юнкера,
Хватают чубуки, бегут, кричат: пора!
Народ заботливо толпится за дверями.
Вот искры от кремня посыпались звездами,
Из рукава чубук уж выполз, как змея,
Гостеприимная отдушина твоя
Открылась бережно, огонь табак объемлет,
Приемная труба заветный дым приемлет.
Когда ж Ласковского приходит грозный
глаз,
От поисков его ты вновь спасаешь нас,
И ж...па белая красавца молодого

Озорной Лермонтов. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
является тебе отважно без покрова.

Но вот над школою ложится мрак ночной,
Клерон уж совершил дозор обычный свой,
Давно у фортепьян не раздаётся Феня...
Последняя свеча на койке Баловеня
Угасла, и луна кидает бледный свет
На койки белые и лаковый паркет.
Вдруг шорох, слабый звук и легкие две тени
Скользят по камере к твоей желанной сени.
Вошли... и в тишине раздался поцелуй.
Краснея, поднялся, как тигр, голодный х...й.
Хватают за него нескромною рукою,
Прижав уста к устам, и слышно:

«Будь со мною,
Я твой, о милый друг, прижмись ко мне
сильней,
Я таю, я горю...» – и пламенных речей
Не перечесть. Но вот, подняв подол
рубашки,

Один из них открыл атласный зад и ляжки.
И восхищенный х...й, как страстный сибарит,
Над пухлой ж...пою надулся и дрожит.
Уж сблизились они, еще лишь миг единый...
Но занавес пора задернуть над картиной.
Пора, чтоб похвалу неумолимый рок
Не обратил бы мне в язвительный упрек.

Ода Тизенгаузену
Не води так томно оком,
Круглой ж...пой не верти,
Сладострастьем и пороком
Своенравно не шути.
Не ходи к чужой постели
И к своей не допускай,
Ни шутя, ни в самом деле
Нежно рук не пожимай.
Знай, прелестный наш чухонец,
Юность долго не блесит,
Хоть любовник твой червонец
Каждый раз тебе дарит.
Знай, когда рука Господня
Разразится над тобой,
Все, которых ты сегодня
Зришь у ног своих с мольбой,
Сладкой влагой поцелуя
Не уймут тоску твою,
Хоть тогда за кончик х...я
Ты отдал бы жизнь свою.

Поэмы

Сашка

Нравственная поэма

(Строфы из поэмы)

1

Наш век смешон и жалок, – все пиши
Ему про казни, цепи да изгнанья,
Про темные волнения души,
И только слышишь муки да страданья.
Такие вещи очень хороши
Тому, кто мало спит, кто думать любит,
Кто дни свои в воспоминаньях губит.
Впадал я прежде в эту слабость сам
И видел от нее лишь вред глазам;
Но нынче я не тот уж, как бывало, –
Пою, смеюсь. Герой мой добрый малый.

2

Он был мой друг. С ним я не знал хлопот,
С ним чувствами и деньгами делился;

Озорной Лермонтов. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru

Он брал на месяц, отдавал чрез год,
Но я за то нимало не сердился
И поступал не лучше в свой черед;
Печален ли, бывало, тотчас скажет,
Когда же весел, счастлив – глаз не кажет.
Не раз от скуки он свои мечты
Мне поверял и говорил мне «ты»;
Хвалил во мне, что прочие хвалили,
И был мой вечный визави в кадрили.

11

Гуляка праздный, пьяный молодец,
С осанкой важной, в фризовой шинели,
Держась за них, бредет – и вот конец
Перилам. «Всё направо!» Заскрипели
Полозья по сугробам, как резец
По мрамору... Лачуги, цепью длинной
Мелькая мимо, кланяются чинно...
Вдали мелькнул знакомый огонек...
«Держи к воротам... Стой, – сугроб глубок!..
Пойдем по снегу, муза, только тише
И платье подними как можно выше».

12

Калитка – скрип... Двор темен. По доскам
Идти неловко... Вот насилу сени
И лестница; но снегом по местам
Занесена. Дрожащие ступени
Грозят мгновенно изменить ногам.
Взошли. Толкнули дверь – и свет огарка
Ударил в очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждает путь гостям
И вопрошает: «Что угодно вам?» –
И, услышав ответ красноречивый,
Захлопнув дверь, бранится неучтиво...

13

Но, несмотря на это, мы взойдем:
Вы знаете, для музы и поэта,
Как для хромого беса, каждый дом
Имеет вход особый; ни секрета,
Ни запрещенья нет для нас ни в чем...
У столика, в одном углу светлицы,
Сидели две... девицы – не девицы...
Красавицы... название тут как раз!..
Чем выгодней, узнать прошу я вас
От наших дам, в деревне и столице
Красавицею быть или девицей?

14

Красавицы сидели за столом,
Раскладывая карты, и гадали
О будущем. И ум их видел в нем
Надежды (то, что мы и все видали).
Свеча горела трепетным огнем,
И часто, вспыхнув, луч ее мгновенный
Вдруг обливал и потолок и стены.
В углу переднем фольга образов
Тогда меняла тысячу цветов,
И верба, наклоненная над ними,
Блистала вдруг листьями золотыми.

15

Одна из них (красавиц) не вполне
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы таких видали лишь во сне,
И то заснув – о небесах мечтая!
Слегка головку приклонив к стене
И устремив на столик взор прилежный,
Она сидела несколько небрежно.
В ответ на речь подруги иногда
Из уст ее пустое «нет» или «да»
Едва скользило, если предсказанья

Озорной Лермонтов. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Премудрой карты стоили вниманья.

16

Она была затейливо мила,
Как польская затейливая панна;
Но вместе с этим гордый вид чела
Казался ей приличен. Как Сусанна,
Она б на суд неправедный пошла
С лицом холодным и спокойным взором,
Такая смесь не может быть укором.
В том вы должны поверить мне в кредит,
Тем боле что отец ее был жид,
А мать (как помню) полька из-под Праги..
И лжи тут нет, как в том, что мы – варяги.

17

Когда Суворов Прагу осаждал,
Ее отец служил у нас шпионом,
И раз, как он украдкою гулял
В мундире польском вдоль по бастионам,
Неловкий выстрел в лоб ему попал.
И многие, вздохнув, сказали: «Жалкой,
Несчастный жид, – он умер не под палкой!»
Его жена пять месяцев спустя
Произвела на Божий свет дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по воле одного корнета.

18

Под рубищем простым она росла
В невежестве, как травка полевая
Проходим не замечена, – ни зла,
Ни гордой добродетели не зная.
Но час настал – пора любви пришла.
Какой-то смертный ей сказал два слова:
Она в объятья божества земного
Упала; но увы, прошло дней шесть,
Уж полубог успел ей надоесть;
И с этих пор, чтоб избежать ошибки,
Она дарила всем свои улыбки..

19

Мечты любви умчались, как туман.
Свобода стала ей всего дороже.
Обманом сердце платит за обман
(Я так слышал, и вы слышали тоже).
В ее лице характер южных стран
Изображался резко. Не наемный
Огонь горел в очах; без цели, томно,
Покрыты светлой влагой, иногда
Они блуждали, как порой звезда
По небесам блуждает, – и, конечно,
Был это знак тоски немой, сердечной.

20

Безвестная печаль сменялась вдруг
Какою-то веселостью недужной..
(Дай бог, чтоб всех томил такой недуг!)
Волной вставала грудь, и пламень южный
В ланитах рделся, белый полукруг
Зубов жемчужных быстро открывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локон, и на лик молодой
Катился, лоснясь, черною струей;
И ножка, разрезваясь, не зная плена,
Бесстыдно обнажалась до колена.

21

Когда шалунья навзничь на кровать,
Шутя, смеясь, роскошно упала,
Не спорю, мудрено ее понять, –

Она сама себя не понимала, –
Ей было трудно сердцу приказать,
Как баловню-ребенку. Надо было
Кому-нибудь с неведомою силой
Явиться и приветливой душой
Его согреть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаем,
Все это мы со временем узнаем.

22

Теперь к ее подруге перейдем,
Чтоб выполнить начатую картину.
Они недавно жили тут вдвоем,
Но души их сливались во едину
И мысли их встречались во всем.
О, если б знали, сколько в этом званье
Сердец отличных, добрых! Но вниманье
Увлечено блистаньем модных дам.
Вздыхая, мы бежим по их следам..
Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть их... в кредит из модной лавки!

23

Она была свежа, бела, кругла,
Как снежный шарик; щеки, грудь и шея,
Когда она смеялась или шла,
Дрожали сладострастно; не краснея,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидела юбка; но плутовка
Поднять умела грудь, открыть плечо,
Ласкать умела буйно, горячо
И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства..

24

Она звалась Варюшею. Но я
Желал бы ей другое дать название:
Скажу ль, при этом имени, друзья,
В груди моей шипит воспоминанье,
Как под ногой прижатая змея;
И ползает, как та среди развалин,
По жилам сердца. Я тогда печален,
Сердит, – молчу или браню весь дом,
И рад прибить за слово чубуком.
Итак, для избежанья зла, мы нашу
Варюшу здесь перекрестим в Парашу.

27

Пред нагоревшей сальною свечой
Красавицы, раздумавшись, сидели,
И заставлял их вздрагивать порой
Унылый свист играющей метели.
И как и вам, читатель милый мой,
Им стало скучно... Вот, наместо знака
Условного, залаяла собака,
И у калиткибрякнуло кольцо.
Вот чей-то голос... Идут на крыльцо..
Параша потянулась и зевнула
Так, что едва не бухнулась со стула.

28

А Тирза быстро выбежала вон,
Открылась дверь. В плаще, закидан снегом,
Явился гость... Насмешливый поклон
Отвесил и, как будто долгим бегом
Или волненьем был он утомлен,
Упал на стул... Заботливой рукою
Сняла Параша плащ, потом другою
Стряхнула иней с шелковых кудрей
Пришельца. Видно, нравился он ей..
Все нравится, что молодо, красиво
И в чем мы видим прибыль особливо.

29

Он ловок был, со вкусом был одет,
Изящно был причесан и так дале.
На пальцах перстни изливали свет,
И галстук надушен был, как на бале.
Ему едва ли было двадцать лет,
Но бледностью казались покрыты
Его чело и нежные ланиты, –
Не знаю, мук ли то последних след,
Но мне давно знаком был этот цвет, –
И на устах его, опасней жала
Змеи, насмешка вечная блуждала.

30

Заметно было в нем, что с ранних дней
В кругу хорошем, то есть в модном свете,
Он обжился, что часть своих ночей
Он убивал бесплодно на паркете
И что другую тратил не умней...
В глазах его открытых, но печальных,
Нашли бы вы без наблюдений дальних
Презренье, гордость; хоть он не был горд,
Как глупый турок иль богатый лорд,
Но все-таки себя в числе двуногих
Он почитал умнее очень многих.

33

Герой мой Сашка тихо развязал
Свой галстук... «Сашка» – старое название!
Но «Сашка» тот печати не видал,
И, незрелый, он угас в изгнание.
Мой Сашка меж друзей своих не знал
Другого имя, – дурно ль, хорошо ли,
Разуверять друзей не в нашей воле.
Он галстук снял, рассеянно перстом
Провел по лбу, поморщился, потом
Спросил: «Где Тирза?» – «Дома». –
«Что ж не видно
Ее?» – «Уснула». – «Как ей спать
не стыдно!»

34

И он поспешно входит в тот покой,
Где часто с Тирзой пламенные ночи
Он проводил... Все полно тишиной
И сумраком волшебным; прямо в очи
Недвижно смотрит месяц золотой
И на стекле в узоры ледяные
Кидает искры, блески огневые,
И голубым сиянием стена
Игриво и светло озарена.
И он (не месяц, но мой Сашка) слышит,
В углу на ложе кто-то слабо дышит.

35

Он руку протянул, – его рука
Попала в стену; протянул другую –
Ощупал тихо кончик башмачка.
Схватил потом и ножку, но какую?!
Так миньютюрна, так нежна, мягка
Казалась эта ножка, что невольно
Подумал он, не сделал ли ей больно.
Меж тем рука все далее ползет,
Вот круглая коленочка... и вот,
Вот – для чего смеетесь вы заране? –
Вот очутилась на двойном кургане...

36

Блаженная минута!.. Закипел
Мой Александр, склонившись к деве спящей.
Он поцелуй на грудь напечатлел
И стан ее обвил рукой дрожащей.
В самозабвенье пылком он не смел

Дохнуть... Он думал: «Тирза дорогая!
И жизнь и чувствами играя,
Как ты, я чужд общественных связей, –
Как ты, один с свободой моей,
Не знаю в людях ни врага, ни друга, –
Живу, чтоб жить, как ты, моя подруга!

37

Судьба вчера свела случайно нас,
Случайно завтра разведет навечно –
Не все ль равно, что год, что день, что час,
Лишь только б я провел его беспечно?..»
И не сводил он ярких черных глаз
С своей жидовки и не знал, казалось,
Что резвое созданье притворялось.
Меж тем почла за нужное она
Проснуться и была удивлена,
Как надлежало... (Страх и удивленье
Для женщин в важных случаях спасенье.)

38

И, прежде потеряв глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?» – «Я, твой Саша!»
«Неужто?.. Видишь, баловник какой!
Ступай, давно там ждет тебя Параша!..
Нет, надо разбудить меня... Постой,
Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это был скорее поцелуй.
Да, мерзкий критик, что ты ни толкуй,
А есть уста, которые украдкой
Кусать умеют сладко, очень сладко!..

39

Когда бы Тирзу видел Соломон,
То, верно б, свой престол украсил ею, –
У ног ее и царство, и закон,
И славу позабыл бы... Но не смею
Вас уверять, затем, что не рожден
Владыкой, и не знаю, в низкой доле,
Как люди ценят вещи на престоле;
Но знаю только то, что Сашка мой
За целый мир не отдал бы порой
Ее улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной сказки.

40

«Откуда ты?» – «Не спрашивай, мой друг!
Я был на бале!» – «Бал! а что такое?»
«Невежда! это – говор, шум и стук,
Толпа глупцов, веселье городское, –
Наружный блеск, обманчивый недуг;
Кружатся девы, чванятся нарядом,
Притворствуют и голосом и взглядом,
Кто ловит душу, кто пять тысяч душ...
Все так невинны, но я им не муж.
И как ни уважаю добродетель,
А здесь мне лучше, в том луна свидетель».

41

Каким-то новым чувством смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смешна
Жизнь городских красавиц, но... сначала.
Потом пришло ей в мысль, что и она
Могла б кружиться ловко пред толпой,
Терзать мужчин надменной красотою,
В высокие смотреться зеркала
И уязвлять, но не желая зла,
Соперниц гордой жалостью, и в свете
Блистать, и ездить четверней в карете.

42

Она прижалась к юноше. Листок

Озорной Лермонтов. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru

Так жметя к ветке, бурю ожидая.
Стучало сердце в ней, как молоток,
Уста полураскрытые, пылая,
Шептали что-то. С головы до ног
Она горела. Груды молодые
Как персики являлись наливные
Из-под сорочки... Сашкина рука
По ним бродила медленно, слегка..
Но... есть во мне к стыдливости вниманье –
И целый час я пропущу в молчанье.
43

Все было тихо в доме. Облака
Нескромный месяц дымкою одели,
И только раздавались изредка
Сверчка ночного жалобные трели;
И мышь в тени родного уголка
Скреблась в обои старые прилежно.
Моя чета, раскинувшись небрежно,
Покоилась, не думая о том,
Что небеса грозили близким днем,
Что ночь... Вы на веку своем едва ли
Таких ночей десятков насчитали...

44

Но Тирза вдруг молчанье прервала
И молвила: «Послушай, прочь все шутки!
Какая мысль мне странная пришла:
Что если б ты, откинув предрассудки
(Она его тут крепко обняла),
Что если б ты, мой милый, мой бесценный,
Хотел меня утешить совершенно,
То завтра или даже в день иной
Меня в театр повез бы ты с собой.
Известно мне, все для тебя возможно,
А отказать в безделице безбожно».

45

«Пожалуй!» – отвечал ей Саша. Он
Из слов ее расслушал половину, –
Его клонил к подушке сладкий сон,
Как птица клонит слабую тростину.
Блажен, кто может спать! Я был рожден
С бессонницей. В теченье долгой ночи,
Бывало, беспокойно бродят очи
И жжет подушка влажное чело.
Душа грустит о том, что уж прошло,
Блуждая в мире вымысла без пищи,
Как лазарони или русский нищий...

49

Итак, герой наш спит, приятный сон,
Покойна ночь, а вы, читатель милый,
Пожалуйте, – иначе принужден
Я буду удержать вас силой..
Роман, вперед!.. Не идет? Ну, так он
Пойдет назад. Герой наш спит куда,
Хочу я рассказать, кто он, откуда,
Кто мать его была, и кто отец,
Как он на свет родился, наконец,
Как он попал в позорную обитель,
Кто был его лакей и кто учитель.

50

Его отец – симбирский дворянин,
Иван Ильич NN-ов, муж дородный,
Богатого отца любимый сын.
Был сам богат; имел он ум природный
И, что ума полезней, важный чин;
С четырнадцати лет служил и с миром

Уволен был в отставку бригадиром;
А бригадир блаженных тех времен
Был человек и, следственно, умен.
Иван Ильич наш слыл, по крайней мере,
Любезником в своей симбирской сфере.

51

Он был врагом писателей и книг,
В делах судебных почерпнул познания.
Спал очень долго, ел за четверых;
Ни на кого не обращал вниманья
И не носил приличия вериг.
Однако же пред знатью горделивой
Умел он гнуться скромно и учтиво.
Но в этот век учтивости закон
Для исполненья требовал поклон;
А кланяться закону иль вельможе
Считалось тогда одно и то же.

52

Он старших уважал, зато и сам
Почтительность вознаграждал улыбкой,
И, ревностный хотя угодник дам,
Женился, по словам его, ошибкой.
В чем он ошибся, не могу я вам
Открыть, а знаю только (не соврать бы),
Что был он грустен на другой день свадьбы
И что печаль его была одна
Из тех, какими жизнь мужей полна.
По мне они большие эгоисты –
Всё жен винят, как будто сами чисты.

54

Иван Ильич стерег жену свою
По старому обычаю. Без лести
Сказать, он вел себя, как я люблю,
По правилам тогдашней старой чести.
Проказница ж жена (не утаю)
Читать любила жалкие романы
Или смотреть на светлый шар Дианы,
В беседке темной сидя до утра.
А месяц и романы до добра
Не доведут, – от них мечты родятся...
А искушенью только бы добраться!

55

Она была прелакомый кусок
И многих дум и взоров стала целью.
Как быть: пчела садится на цветок,
А не на камень; чувствам и веселью
Казенных не назначено дорог.
На брачном ложе Марья Николавна
Была, как надо, ласкова, исправна.
Но, говорят (хоть, может быть, и лгут),
Что долг супруги – только лишний труд.
Мужья у жен подобных (не в обиду
Будь сказано), как вывеска, для виду.

61

Два года жил Иван Ильич с женой,
И все не тесны были ей корсеты.
Ее ль сложенье было в том виной,
Или его немолодые леты?..
Не мне в делах семейных быть судьей!
Иван Ильич иметь желал бы сына
Законного: хоть правом дворянина
Он пользовался часто, но детей,
Вне брака прижитых, злодей,
Раскидывал по свету, где случится,
Страшась с своей деревней породниться.

65

Прошло два года. Третий год
Обрадовал супругов безнадежных:

Желанный сын, любви взаимной плод,
Предмет забот мучительных и нежных,
У них родился. В доме весь народ
Был восхищен, и три дня были пьяны
Все на подбор, от кучера до няни.
А между тем печально у ворот
Всю ночь собаки выли напролет,
И, что страшнее этого, ребенок
Весь в волосах был, точно медвежонок.

66

Старухи говорили: это знак,
Который много счастья обещает.
И про меня сказали точно так,
А правда ль это вышло? – небо знает!
К тому же полуночный вой собак
И страшный шум на чердаке высоком –
Приметы злые, но не был пророком,
Я только покачаю головой.
Гамлет сказал: «Есть тайны под луной
И для премудрых», – как же мне, поэту,
Не верить можно тайнам и Гамлету?..

67

Младенец рос милее с каждым днем:
Живые глазки, белые ручонки
И русый волос, вьющийся кольцом, –
Пленяли всех знакомых; уж пеленки
Рубашечкой сменились на нем;
И, первые проказы начиная,
Уж он дразнил собак и попугая..
Года неслись, а Саша рос, и в пять
Добро и зло он начал понимать;
Но, верно, по врожденному влеченью,
Имел большую склонность к разрушенью.

68

Он рос... Отец его бранил и сек –
Затем, что сам был с детства часто сечен,
А слава богу вышел человек:
Не стыд семьи, не туп, не изувечен.
Поняття были низки в старый век..
Но Саша с гордой был рожден душою
И желчного сложенья, – пред судьбою,
Перед бичом язвительной молвы
Он не склонял и после головы.
Умел он помнить, кто его обидел,
И потому отца возненавидел.

69

Великий грех!.. Но чем теплее кровь,
Тем раньше зреют в сердце беспокойном
Все чувства – злоба, гордость и любовь,
Как дерева под небом юга знойным.
Шалун мой хмурил маленькую бровь,
Встречаясь с нежным папенькой; от взгляда
Он вздрагивал, как будто б капля яда
Лилась по жилам. Это, может быть,
Смешно, – что ж делать! – он не мог любить,
Как любят все гостинные собачки
За лакомства, побои и подачки.

70

Он был дитя, когда в тесовый гроб
Его родную с пеньем уложили.
Он помнил, что над нею черный поп
Читал большую книгу, что кадили,
И прочее... и что, закрыв весь лоб
Большим платком, отец стоял в молчанье.
И что когда последнее лобзанье
Ему велели матери отдать,
То стал он громко плакать и кричать,
И что отец, немного с ним поспорив,

Озорной Лермонтов. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Велел его посечь... (конечно, с горя).

71

Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.
До времени отвыкнув от игры,
Он жадному сомненью сердце предал
И, презрев детства милые дары,
Он начал думать, строить мир воздушный
И в нем терялся мыслию послушной.
Таков средь океана островок:
Пусть хоть прекрасен, свеж, но одинок;
Ладьи к нему с гостями не пристанут,
Цветы на нем от зноя все увянут...

75

Его учитель чистый был француз,
Marquis de Tess[3]. Педант полузабавный,
Имел он длинный нос и тонкий вкус
И потому брал деньги преисправно.
Покорный раб губернских дам и муз,
Он сочинял сонеты, хоть порою
По часу бился с рифмою одною;
Но каламбуров полный лексикон,
Как талисман, носил в карманах он
И, быв уверен в дамской благодати,
Не размышлял, что5 кстати, что5 некстати.

76

Его отец богатый был маркиз,
Но жертвой стал народного волнения:
На фонаре однажды он повис,
Как было в моде, вместо украшения.
Приятель наш, парижский Адонис,
Оставив прах родителя судьбине,
Не поклонился гордой гильотине:
Он молча проклял вольность и народ,
И натошак отправился в поход,
И наконец, едва живой от муки,
Пришел в Россию поощрять науки.

86

Но Саша не внимал его словам, –
Рассеянно в тетради над строками
Его рука чертила здесь и там
Какой-то женский профиль, и очами,
Горящими подобно двум звездам,
Он долго на него взирал, и нежно
Вздыхал и хоронил его прилежно
Между листов, как тайный милый клад,
Залог надежд и будущих наград,
Как прячут иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булавку...

87

Но кто ж она? Что пользы ей вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный мир дыханьем возмутить
И взволновать надежды огневые?
К чему?.. Он слишком молод, чтоб любить
Со всем искусством древнего фоблаза.
Его любовь, как снег вершин Кавказа,
Чиста, – тепла, как небо южных стран...
Ему ль платить обманом за обман?..
Но кто ж она? Не модная вертушка,
А просто дочь буфетчика, Маврушка...

88

И Саша был четырнадцати лет.
Он привыкал (скажу вам под секретом,
Хоть важности большой во всем том нет)
Толкаться меж служанок. Часто летом,
Когда луна бросала томный свет
На тихий сад, на свод густых акаций,

И с шепотом толпа домашних граций
В аллее кралась, – легкою стопой
Он догонял их; и, шутя, порой
Его невинность (вы поймете сами)
Они дразнили дерзкими перстами.

89

Но между них он отличал одну:
В ней было все, что увлекает душу,
Волнует мысли и мешает сну.
Но я, друзья, покой ваш не нарушу
И на портрет накинута пелену.
Ее любил мой Саша той любовью,
Которая по жилам с юной кровью
Течет огнем, клокочет и кипит.
Боролись в нем желание и стыд;
Он долго думал, как в любви открыться. –
Но надобно ж на что-нибудь решиться.

90

И мудрено ль? Четырнадцать лет
Я сам страдал от каждой женской рожи
И простодушно уверял весь свет,
Что друг на дружку все они похожи.
Волнующихся персей нежный цвет
И алых уст горячее дыханье
Во мне рождали чудные желанья;
Я трепетал, когда моя рука
Атласных плеч касалась слегка,
Но лишь в мечтах я видел без покрова
Все, что для вас, конечно, уж не ново...

91

Он потерял и сон и аппетит,
Молчит весь день и часто бредит ночь,
По коридору бродит и грустит
И ждет, чтоб показалась Евы дочь,
Чтоб ясный взор мелькнул... Суровый вид
Приняв, он иногда улыбкой хладной
Ответствовал на взор ее отрадный...
Любовь же неизбежна, как судьба,
А с сердцем страх невыгодна борьба!
Итак, мой Саша кончил с ним возиться
И положил с Маврушей объясниться.

92

Случилось это летом, в знойный день.
По мостовой широкими клубами
Вилась пыль. От труб высоких тень
Ложилась на крышах полосами,
И пар с камней струился. Сон и лень
Вполне Симбирском овладели; даже
Катилась Волга медленней и глаже.
В саду, в беседке темной и сырой,
Лежал полураздетый наш герой
И размышлял о тайне соединенья
Двух душ – предмет, достойный
размышленья.

93

Вдруг слышит он направо, за кустом
Сирени, шорох платья и дыханье
Волнующейся груди, и потом
Чуть внятный звук, похожий на лобзанье.
Как Саше быть? Забилося сердце в нем,
Запрыгало... Без дальних опасений
Он сквозь кусты пустился легче тени.
Трещат и гнутся ветви под рукой.
И вдруг пред ним, с Маврушкой молодой
Обнявшись в тени цветущей вишни,
Иван Ильич... (Прости ему всевышний!)

94

Увы! покоясь на траве густой,

Проказник старый обнимал бесстыдно
Упругий стан под юбкою простой
И не жалел ни ножки миловидной,
Ни круглых персей, дышащих весной!
И долго, долго бился, но напрасно!
Огня и сил лишен уж был несчастный.
Он встал, вздохнул (нельзя же не вздохнуть),
Поправил брюки и пустился в путь,
Оставив тут обманутую деву,
Как Ариадну, преданную гневу.
95

И есть за что, не спорю.. Между тем
Что делал Саша? С неподвижным взглядом,
Как белый мрамор холоден и нем,
Как Аббадона грозный, новым адом
Испуганный, но помнящий эдем,
С поникшею стоял он головою,
И на челе, наморщенном тоскою,
Качались тени трепетных ветвей..
Но вдруг удар проснувшихся страстей
Перевернул неопытную душу,
И он упал как с неба на Маврушу.
96

Упал! (Прости невинность!) как змея,
Маврушу крепко обнял он руками,
То холодея, то как жар горя,
Неистово впился в нее устами
И – обезумел... Небо и земля
Слились в туман. Мавруша простонала
И улыбнулась; как волна, вставала
И упала грудь, и томный взор,
Как над рекой безлучный метеор,
Блуждал вокруг без цели, без предмета,
Боясь всего: людей, дерев и света...

98
Два месяца прошло. Во тьме ночной
На цыпочках по лестнице ступая,
В чепце, платок накинув шерстяной,
Являлась к Саше дева молодая;
Задув лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жарких там объятий.
Потом, на мягкий пух привлечена,
Под одеяло пряталась она;
Тяжелый вздох из груди вырывался,
И в жарких поцелуях он сливался.
99

Казалось, рок забыл о них. Но раз
(Не помню я, в который день недели), –
Уж пролетел давно свиданья час,
А Саша все один был на постели.
Он сел к окну в раздумье. Тихо гас
На бледном своде месяц серебристый,
И неподвижно бахромой волнистой
Вокруг его висели облака.
Дремало все, лишь в окнах изредка
Являлась свечка, силуэт рубчатый
Старухи, из картин Рембрандта взятый,
100

Мелькая, рисовался на стекле
И исчезал. На площади пустынной,
Как чудный путь к неведомой земле,
Лежала тень от колокольни длинной,
И даль сливалась в синеватой мгле.
Задумчив Саша... Вдруг скрипнули двери,

И вы б сказали – поступь райской пери
Послышалась. Невольно наш герой
Вздрыгнул. Пред ним, озарена луной,
Стояла дева, опустивши очи,
Бледнее той луны – царицы ночи...

101

И он узнал Маврушу. Но – Творец! –
Как изменилось нежное созданье!
Казалось, тело изваял резец,
А Бог вдохнул не душу, но страданье.
Она стоит, вздыхает, наконец
Подходит и холодными руками
Хватает руку Саши, и устами
Прижалась к ней, и слезы потекли
Все больше, больше и, казалось, жгли
Ее лицо... Но кто не зрел картины
Раскаянья преступной Магдалины?

103

И долго молча плакала она.
Рассыпавшись на кругленькие плечи,
Ее власы бежали, как волна.
Лишь иногда отрывистые речи,
Отзыв того, чем грудь была полна,
Блуждали на губах ее; но звуки
Яснее были слов... И голос муки
Мой Саша понял, как язык родной;
К себе на грудь привлек ее рукой
И не щадил ни нежностей, ни ласки,
Чтоб поскорей добраться до развязки.

104

Он говорил: «К чему печаль твоя?
Ты молода, любима, – где ж страданье?
В твоих глазах – мой мир, вся жизнь моя,
И рай земной в одном твоём лобзанье...
Быть может, злобу хитрую тая,
Какой-нибудь... Но нет! И кто же смеет
Тебя обидеть? Мой отец дряхлеет,
Француз давно не годен никуда...
Ну, полно! слезы прочь, и ляг сюда!»
Мавруша, крепко Сашу обнимая,
Так отвечала, медленно вздыхая:

105

«Послушайте, я здесь в последний раз.
Пренебрегла опасность, наказание,
Стыд, совесть – все, чтоб только видеть вас,
Поцеловать вам руки на прощанье
И выманить слезу из ваших глаз.
Не отвергайте бедную, – довольно
Уж я терплю, – но что же?.. Сердце вольно...
Иван Ильич проведаль от людей
Завистливых... Все Ванька ваш, злодей, –
Через него я гибну... Все готово!
Молю!.. о, киньте мне хоть взгляд, хоть слово!

106

Для вашего отца впервые я
Забыла стыд, – где у рабы защита?
Грозил он ссылкой, Бог ему судья!
Прошла неделя, – бедная забыта...
А все любить другого ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Он разбранил... Но что же перед вами?
Раба? игрушка!.. Точно: день, два, три
Мила, а там? – пожалуй, хоть умри!..»
Тут начались слезы, восклицанья,
Но Саша их оставил без вниманья.

107

«Ах, барин, барин! Вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердечной!..»

Прощай, – тебя мне больше не видеть,
Зато уж помнить буду вечно, вечно..
Виновны оба, мне ж должно страдать.
Но, так и быть, целуй меня в грудь, в очи, –
Целуй, где хочешь, для последней ночи!..
Чем свет меня в кибитке увезут
На дальний хутор, где Маврушу ждут
Страданья и мужик с косматой бородою..
А ты? – вздохнешь и слюбишься с другою!»
108

Она заплакала. Так или нет
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смею; двух, трех лет
Достаточна губительная сила,
Чтобы святейших слов загладить след.
А тот, кто рассказал мне повесть эту, –
Его уж нет... Но что за нужда свету?
Не веры я ищу, – я не пророк,
Хоть и стремлюсь душою на Восток,
Где свиньи и вино так ныне редки
И где, как пишут, жили наши предки!
109

Она замолкла, но не Саша: он
Кипел против отца негодованьем:
«Злодей! тиран!» – и тысячу имен,
Таких же милых, с истинным вниманьем,
Он расточал ему. Но счастья сон,
Как ни бранись, умчался невозвратно..
Уже готов был юноша развратный
В последний раз на ложе пуховом
Вкусить восторг, в забытии немом
Уж и она, пылая в расслабленье
Раскинулась, как вдруг – о Провиденье! –
110

Удар ногою с треском растворил
Стеклянной двери обе половины,
И ночника луч бледный озарил
Живой скелет вошедшего мужчины.
Казалось, в страхе с ложа он вскочил, –
Растрепан, босиком, в одной рубашке, –
Вошел и строго обратился к Сашке:
«Eh bien, monsieur, que vois-je?» –
«Ah, c'est vous!»
«Pourquoi ce bruit? que faites-vous dons?»
«Je f<...>!»[4]

И, молвив так (пускай простит мне муза),
Одним тузом он выгнал вон француза.
111

И вслед за ним, как лань кавказских гор,
Из комнаты пустилася бедняжка,
Не распростясь, но кинув нежный взор,
Закрыв лицо руками... Долго Сашка
Не мог унять волненье сердца. «Вздор, –
Шептал он, – вздор: любовь не жизнь!»
Но утро,
Подернув тучки блеском перламутра,
Уж начало заглядывать в окно,
Как милый гость, ожидаемый давно,
А на дворе, унылый и докучный,
Раздался колокольчик однозвучный.
112

К окну с волнением Сашка подбежал:
Разгонных тройка у крыльца большого.
Вот сел ямщик и вожжи подобрал;
Вот чей-то голос: «Что же, все готово?» –
«Готово». Вот садится... Он узнал:
Она!.. В чепце, платком окутав шею,
С обычною улыбкою своею,

Ему кивнула тихо головой
И спряталась в кибитку. Бич лихой
Взвился. «Пошел!»... Колесы застучали...
И вмиг... Но что нам до чужой печали?
113

Давно ль?.. Но детство Саши протекло.
Я рассказал, что знать вам было нужно...
Он стал с отцом браниться: не могло
И быть иначе, – нежностью наружной
Обманывать он почитал за зло,
За низость, – но правдивой мести знаки
Он не щадил (хотя б дошло до драки).
И потому родитель, рассчитав,
Что укрощать не стоит этот нрав,
Сынка, рыдая, как мы все умеем,
Послал в Москву с французом и лакеем.
Тамбовская казначейша
Играй, да не отыгрывайся.

Пословица

Посвящение

Пускай слыву я старовером,
Мне все равно – я даже рад:
Пишу Онегина размером;
Пою, друзья, на старый лад.
Прошу послушать эту сказку!
Ее нежданную развязку
Одобрите, быть может, вы
Склоненьем легким головы.
Обычай древний наблюдая,
Мы благодетельным вином
Стихи негладкие запьем,
И пробегут они, хромя,
За мирною своей семьей
К реке забвенья на покой.

I

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые,
Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин».
Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки;

..... * * *
Короче, славный городок.

II

Но скука, скука, Боже правый,
Гостит и там, как над Невой,
Поит вас пресною отравой,
Ласкает черствою рукой.
И там есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И там нет средства от глупцов
И музыкальных вечеров;
И там есть дамы – просто чудо!
Дианы строгие в чепцах,
С отказом вечным на устах.
При них нельзя подумать худо:
В глазах греховное прочтут
И вас осудят, проклянут.

III

Вдруг оживился круг дворянский;
Губернских дев нельзя узнать;

Пришло известье: полк уланский
В Тамбове будет зимовать.
Уланы, ах! такие хвататы...
Полковник, верно, неженатый –
А уж бригадный генерал,
Конечно, даст блестящий бал.
У матушек сверкнули взоры;
Зато, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли в раздумье: сабли, шпоры
Беда для крашенных полов...
Так волновался весь Тамбов.

IV

И вот однажды утром рано,
В час лучший девственного сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядывает Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотит Аврора
И, тишины известный враг,
Еще безмолвствовал кабак,

.....
.....

Уланы справа по шести
Вступили в город; музыканты,
Дремля на лошадях своих,
Играли марш из «Двух слепых».

V

Услыша ласковое ржанье
Желанных вороных коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тут не запрыгало сильнее?
Забыта жаркая перина...
«Малашка, дура, Катерина,
Скорее туфли и платок!
Да где Иван? Какой мешок!
Два года ставни отворяют...»
Вот ставни настезь. Целый дом
Трет стекла тусклые сукном –
И любопытно пробегают
Глаза опухшие девиц
Ряды суровых, пыльных лиц.

VI

«Ах, посмотри сюда, кузина,
Вот этот!» – «Где? майор?» – «О нет!
Как он хорош, а конь – картина,
Да жаль, он, кажется, корнет...
Как ловко, смело избочился...
Поверишь ли, он мне приснился...
Я после не могла уснуть...»
И тут девическая грудь
Косынку тихо поднимает –
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взор живой.
Но полк прошел. За ним мелькает
Толпа мальчишек городских,
Немытых, шумных и босых.

VII

Против гостиницы «Московской»,
Притона буйных усачей,
Жил некто господин Бобковской,
Губернский старый казначей.
Давно был дом его построен;
Хотя невзрачен, но спокоен;
Меж двух облупленных колонн
Держался кое-как балкон.
На кровле треснувшие доски
Зеленым мохом поросли;

Зато пред окнами цвели
Четыре стриженных березки
Взамен гардин и пышных стор,
Невинной роскоши убор.

VIII

Хозяин был старик угрюмый
С огромной лысой головой.
От юных лет с казенной суммой
Он жил как с собственной казной.
В пучинах сумрачных расчета
Блуждать была ему охота,
И потому он был игрок
(Его единственный порок).
Любил налево и направо
Он в зимний вечер прометнуть,
Четвертый куш перечеркнуть,
Рутёркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить цимлянского струей.

IX

Он был врагом трудов полезных,
Трибун тамбовских удальцов,
Гроза всех матушек уездных
И воспитатель их сынков.
Его краплёные колоды
Не раз невинные доходы
С индеек, масла и овса
Вдруг пожирали в полчаса.
Губернский врач, судья, исправник –
Таков его всегдашний круг;
Последний был делец и друг
И за столом такой забавник,
Что казначейша иногда
Сгорит, бывало, от стыда.

X

Я не поведал вам, читатель,
Что казначей мой был женат.
Благословил его Создатель,
Послав ему в супруге клад.
Ее ценил он тысяч во сто,
Хотя держал довольно просто
И не выписывал чепцов
Ей из столичных городов.
Предав ей таинства науки,
Как бросить вздох иль томный взор,
Чтоб легче влюбчивый понтер
Не разглядел проворной штуки,
Меж тем догадливый старик
С глаз не спускал ее на миг.

XI

И впрямь Авдотья Николавна
Была прелакомый кусок.
Идет, бывало, гордо, плавно –
Чуть тронет землю башмачок;
В Тамбове не запомнят люди
Такой высокой, полной груди:
Бела как сахар, так нежна,
Что жилка каждая видна.
Казалось, для нежной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что такое бирюза?
Что небо? Впрочем, я отчасти
Поклонник голубых очей
И не гожусь в число судей.

XII

А этот носик! эти губки,
Два свежих розовых листка!
А перламутровые зубки,
А голос сладкий, как мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто «р» произносила;
Но этот маленький порок
Кто извинить бы в ней не мог?
Любил трепать ее ланиты,
Разнежась, старый казначей.
Как жаль, что не было детей
У них!.....

..... : :
..... : :

XIII

Для бо5льшей ясности романа
Здесь объявить мне вам пора,
Что страстно влюблена в улана
Была одна ее сестра.
Она, как должно, тайну эту
Открыла Дуне по секрету.
Вам не случилось двух сестер
Замужних слышать разговор?
О чем тут, Боже справедливый,
Не судят милые уста!
О, русских нравов простота!
Я, право, человек нелживый –
А из-за ширмов раза два
Такие слышал я слова...

XIV

Итак, тамбовская красотка
Ценить умела уж усы

..... : :
..... : :

Что ж? знание ее сгубило!
Один улан, повеса милый
(я вместе часто с ним бывал),
В трактире номер занимал
Окно в окно с ее уборной.
Он был мужчина в тридцать лет;
Штаб-ротмистр, строен, как корнет;
Взор пылкий, ус довольно черный:
Короче, идеал девиц,
Одно из славных русских лиц.

XV

Он все отцовское именье
Еще корнетом прокутил;
С тех пор дарами Провиденья,
Как птица божия, он жил.
Он, спать ложась, привык не ведать,
Чем будет завтра пообедать.
Шатаясь по Руси кругом,
То на курьерских, то верхом,
То полупьяным ремонтёром,
То волокитой отпускным,
Привык он к случаям таким,
Что я бы сам почел их вздором,
Когда бы все его слова
Хоть тень имели хвастовства.

XVI

Страстьми земными не смущаем,
Он не терялся никогда.

..... : :
..... : :

Бывало, в деле, под картечью
Всех рассмешит надутой речью,
Гримасой, фарсой площадной
Иль неподдельной остротой.

Шутя однажды после спора
Всадил он другу пулю в лоб;
Шутя и сам он лег бы в гроб –

..... :
Порой незлобен, как дитя,
Был добр и честен, но шутя.

XVII
Он не был тем, что волокитой
У нас привыкли называть;
Он не ходил тропой избитой,
Свой путь умея пролагать;
Не делал страстных изъяснений,
Не становился на колени;
А несмотря на то, друзья,
Счастливей был, чем вы и я.

..... :
..... :
..... :

Таков-то был штаб-ротмистр Гарин:
По крайней мере, мой портрет
Был схож тому назад пять лет.

XVIII
Спешил о редкостях Тамбова
Он у трактирщика узнать.
Узнал немало он смешного –
Интриг секретных шесть иль пять;
Узнал, невесты как богаты,
Где свахи водятся иль сваты;
Но занял более всего
Мысль беспокойную его
Рассказ о молодой соседке.
«Бедняжка! – думает улан, –
Такой безжизненный болван
Имеет право в этой клетке
Тебя стеречь – и я, злодей,
Не тронусь участью твоей?»

XIX
К окну поспешно он садится,
Надев персидский архалук;
В устах его едва дымится
Узорный бисерный чубук.
На кудри мягкие надета
Ермолка вишневого цвета
С каймой и кистью золотой,
Дар молдаванки молодой.
Сидит и смотрит он прилежно...
Вот, промелькнувши как во мгле,
Обрисовался на стекле
Головки милой профиль нежный;
Вот будто стукнуло окно...
Вот отворяется оно.

XX
Еще безмолвен город сонный;
На окнах блещет утра свет;
Еще по улице мощеной
Не раздается стук карет...
Что ж казначейшу молодую
Так рано подняло? Какую
Назвать причину поверней?
Уж не бессонница ль у ней?
На ручку опершись головкой,
Она вздыхает, а в руке
Чулок; но дело не в чулке –
Заняться этим нам неловко...
И если правду уж сказать –
Ну кстати ль было б ей вязать!

XXI
Сначала взор ее прелестный

Бродил по синим небесам,
Потом склонился к поднебесной
И вдруг... какой позор и срам!
Напротив, у окна трактира,
Сидит мужчина без мундира.
Скорей, штаб-ротмистр! ваш сюртук!
И поделом... окошко стук...
И скрылось милое виденье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На вас навеяла б смущенье;
Но я отдам улану честь –
Он молвил: «Что ж? начало есть».

XXII

Два дня окно не отворялось.
Он терпелив. На третий день
На стеклах снова показалась
Ее пленительная тень;
Тихонько рама заскрипела.
Она с чулком к окну подсела.
Но опытный заметил взгляд
Ее заботливый наряд.
Своей удачею довольный,
Он встал и вышел со двора –
И не вернулся до утра.
Потом, хоть было очень больно,
Собрав запас душевных сил,
Три дня к окну не подходил.

XXIII

Но эта маленькая ссора
Имела участь нежных ссор:
Меж них завелся очень скоро
Немой, но внятный разговор.
Язык любви, язык чудесный,
Одной лишь юности известный,
Кому, кто раз хоть был любим,
Не стал ты языком родным?
В минуту страстного волненья
Кому хоть раз ты не помог
Близ милых уст, у милых ног?
Кого под игом принужденья,
В толпе завистливой и злой,
Не спас ты, чудный и живой?

XXIV

Скажу короче: в две недели
Наш Гарин твердо мог узнать,
Когда она встает с постели,
Пьет с мужем чай, идет гулять.
Отправится ль она к обедне –
Он в церкви, верно, не последний;
К сырой колонне прислонясь,
Стоит все время не крестясь.
Лучом краснеющей лампы
Его лицо озарено:
Как мрачно, холодно оно!
А испытующие взгляды
То вдруг померкнут, то блещут –
Проникнуть в грудь ее хотят.

XXV

Давно разрешено сомненье,
Что любопытен нежный пол.
Улан большое впечатленье
На казначейшу произвел
Своею странностью. Конечно,
Не надо было б мысли грешной
Дорогу в сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!

..... : .

..... : :
..... : :
Жизнь без любви такая скверность;
А что, скажите, за предмет
Для страсти муж, который сед?
XXVI

Но время шло. «Пора к развязке! –
Так говорил любовник мой. –
Вздыхают молча только в сказке,
А я не сказочный герой».
Раз входит, кланяясь пренизко,
Лакей. «Что это?» – «Вот-с записка;
Вам барин кланяться велел-с;
Сам не приехал – много дел-с;
Да приказал вас звать к обеду,
А вечерком потанцевать.
Он сам изволил так сказать».
«Ступай, скажи, что я приеду».
И в три часа, надев колет,
Летит штаб-ротмистр на обед.
XXVII

Амфитрион был предводитель –
И в день рождения жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвал губернские чины
И целый полк. Хотя бригадный
Заставил ждать себя изрядно
И после целый день зевал,
Но праздник в том не потерял.
Он был устроен очень мило:
В огромных вазах по столам
Стояли яблоки для дам;
А для мужчин в буфете было
Еще с утра принесено
В больших трех ящиках вино.
XXVIII

Вперед под ручку с генеральшей
Пошел хозяин. Вот за стол
Уселся от мужчин подальше
Прекрасный, но стыдливый пол –
И дружно загремел с балкона,
Средь утешительного звона
Тарелок, ложек и ножей,
Весь хор уланских трубачей:
Обычай древний, но прекрасный;
Он возбуждает аппетит,
Порою кстати заглушит
Меж двух соседей говор страстный –
Но в наше время решено,
Что все старинное смешно.
XXIX

Родов, обычаев боярских
Теперь и следу не ищи,
И только на пирах гусарских
Гремят, как прежде, трубачи.
О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного
С бокалом влаги золотой
При звуках песни полковой!
И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я,
В тот серый час, когда заря
На строй гусаров полусонных
И на бивак их у леска
Бросает луч исподтишка!
XXX

С Авдотьей Николавной рядом
Сидел штаб-ротмистр удалой –

Озорной Лермонтов. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru

Впился в нее упрямым взглядом,
Крутя усы одной рукой.
Он видел, как в ней сердце билось.
И вдруг – не знаю, как случилось, –
Ноги ее иль башмачка
Коснулся шпорой он слегка.
Тут начались извиненья
И завязался разговор;
Два комплимента, нежный взор –
И уж дошло до изъяснения...
Да, да – как честный офицер!
Но казначейша – не пример.

XXXI

Она, в ответ на нежный шепот,
Немой восторг спеша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкий опыт
Ему решилась предложить –
Таков обычай деревенский!
Помучить – способ самый женский.
Но уж давно известна нам
Любовь друзей и дружба дам!
Какое адское мученье
Сидеть весь вечер tête-à-tête
С красавицей в осьмнадцать лет

.....
.....
.....

XXXII

Вообще я мог в году последнем
В девицах наших городских
Заметить страсть к воздушным бредням
И мистицизму. Бойтесь их!
Такая мудрая супруга,
В часы любовного досуга,
Вам вдруг захочет доказать,
Что два и три совсем не пять;
Иль вместо пламенных лобзаний
Магнетизировать начнет –
И счастлив муж, коли заснет!..
Плоды подобных замечаний,
Конечно б, мог не ведать мир,
Но польза, польза мой кумир.

XXXIII

Я бал описывать не стану,
Хоть это был блестящий бал.
Весь вечер моему улану
Амур прилежно помогал.
Увы.....
Не веруют амуру ныне;
Забыт любви волшебный царь;
Давно остыл его алтарь!
Но за столичным просвещеньем
Провинциалы не спешат;

.....
.....
.....

XXXIV

И сердце Дуни покорилося;
Его сковал могучий взор...
Ей дома целу ночь все снилось
Бряцанье сабли или шпор.
Поутру, встав часу в девятом,
Садится в шлафоре измятом
Она за вечную канву –
Все тот же сон и наяву.

По службе занят муж ревнивый,
Она одна – разгул мечтам!
Вдруг дверью стукнули. «Кто там?
Андрюшка! Ах, тюлень ленивый!..»
Вот чей-то шаг – и перед ней
Явился... только не Андрей.

XXXV

Вы отгадаете, конечно,
Кто этот гость нежданный был.
Немного, может быть, поспешно
Любовник смелый поступил;
Но, впрочем, взявши в рассмотренье
Его минувшее терпенье
И рассудив, легко поймешь,
Зачем рискует молодежь.
Кивнув легонько головою,
Он к Дуне молча подошел
И на лицо ее навел
Взор, отуманенный тоскою;
Потом стал длинный ус крутить,
Вздыхнул и начал говорить:

XXXVI

«Я вижу, вы меня не ждали –
Прочесть легко из ваших глаз;
Ах, вы еще не испытали,
Что в страсти значит день, что час!
Среди сердечного волненья
Нет сил, нет власти, нет терпенья!
Я здесь – на все решился я..
Тебе я предан... ты моя!
Ни мелочные толки света,
Ничто, ничто не страшно мне;
Презренье светской болтовне –
Иль я умру от пистолета..
О, не пугайся, не дрожи;
Ведь я любим – скажи, скажи!..»

XXXVII

И взор его притворно скромный,
Склоняясь к ней, то угасал,
То, разгораясь страстью томной,
Огнем сверкающим пылал.
Бледна, в смущенье оставалась
Она пред ним... Ему казалось,
Что чрез минуту для него
Любви наступит торжество..
Как вдруг внезапный и невольный
Стыд овладел ее душой –
И, вспыхнув вся, она рукой
Толкнула прочь его: «Довольно,
Молчите – слышать не хочу!
Оставьте ль? я закричу!..»

XXXVIII

Он смотрит: это не притворство,
Не шутки – как ни говори, –
А просто женское упорство,
Капризы – черт их побери!
И вот – о, верх всех унижений! –
Штаб-ротмистр преклонил колени
И молит жалобно; как вдруг
Дверь настезь – и в дверях супруг.
Красотка: «Ах!» Они взглянули
Друг другу сумрачно в глаза;
Но молча разнеслась гроза,
И Гарин вышел. Дома пули
И пистолеты снарядил,
Присел – и трубку закурил.

XXXIX

И через час ему приносит

Записку грязную лакей.
Что это? чудо? Нынче просит
К себе на вистик казначей,
Он именинник – будут гости...
От удивления и злости
Чуть не задохся наш герой.
Уж не обман ли тут какой?
Весь день проводит он в волненье.
Настал и вечер наконец.
Глядит в окно: каков хитрец –
Дом полон, что за освещение!
А все засунуть – или нет? –
В карман на случай пистолет.

XI

Он входит в дом. Его встречает
Она сама, потупя взор.
Вздых полновесный прерывает
Едва начатый разговор.
О сцене утренней ни слова.
Они друг другу чужды снова.
Он о погоде говорит;
Она «да-с, нет-с» – и замолчит.
Измучен тайною досадой,
Идет он дальше в кабинет...
Но здесь спешить нам нужды нет,
Притом спешить нигде не надо.
Итак, позвольте отдохнуть,
А там докончим как-нибудь.

XLI

Я жить спешил в былые годы,
Искал волнений и тревог,
Законы мудрые природы
Я безрассудно пренебрег.
Что ж вышло? Право, смех и жалость!
Сковала душу мне усталость,
А сожаленье день и ночь
Твердит о прошлом. Чем помочь?
Назад не возвратят усилья.
Так в клетке молодой орел,
Глядя на горы и на дол,
Напрасно не подымлет крылья –
Кровавой пищи не клюет,
Сидит, молчит и смерти ждет.

XLII

Ужель исчез ты, возраст милый,
Когда все сердцу говорит,
И бьется сердце с дивной силой,
И мысль восторгами кипит?
Не все ж томиться бесполезно
Орлу за клеткою железной:
Он свой воздушный прежний путь
Еще найдет когда-нибудь,
Туда, где снегом и туманом
Одеты темные скалы,
Где гнезда вьют одни орлы,
Где тучи бродят караваном!
Там можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь!

XLIII

Но есть всему конец на свете,
И даже выпреним мечтам.
Ну, к делу. Гарин в кабинете.
О чудеса! Хозяин сам
Его встречает с восхищеньем,
Сажает, потчует вареньем,
Несет шампанского стакан.
«Иуда!» – мыслит мой улан.
Толпа гостей теснилась шумно

Вокруг зеленого стола;
Игра уж дельная была,
И банк притом благоразумный.
Его держал сам казначей
Для облегчения друзей.

XLIV

И так как господин Бобковский
Великим делом занят сам,
То здесь блестящий круг тамбовский
Позвольте мне представить вам.
Во-первых, господин советник,
Блюститель нравов, мирный сплетник,

.....
А вот уездный предводитель,
Весь спрятан в галстук, фрак до пят,
Дискант, усы и мутный взгляд.
А вот, спокойствия рачитель,
Сидит и сам исправник – но
Об нем уж я сказал давно.

XLV

Вот, в полуфрачке, раздушенный,
Времен новейших Митрофан,
Нетесанный, недоученый,
А уж безнравственный болван.
Доверье полное имея
К игре и знанью казначея,
Он понтирует, как велят, –
И этой чести очень рад.
Еще тут были... но довольно,
Читатель милый, будет с вас.
И так несвязный мой рассказ,
Перу покорствуя неволью
И своенравию чернил,
Бог знает чем я испестрил.

XLVI

Пошла игра. Один, бледнея,
Рвал карты, вскрикивал; другой,
Поверить проигрыш не смея,
Сидел с поникшей головой.
Иные, при удачной талье,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкочет
Был нем и мрачен. Хладный пот
По гладкой лысине струился.
Он все проигрывал дотла.
В ушах его «дана», «взяла»
Так и звучали. Он взбесился –
И проиграл свой старый дом
И все, что в нем или при нем.

XLVII

Он проиграл коляску, дрожки,
Трех лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче – все, все дочиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидел он бледный и безмолвный.
Уж было за полночь. Треща,
Одна погасла уж свеча.
Свет утра синевато-бледный
Вдоль по туманным небесам
Скользил. Уж многим игрокам
Сон прогулять казалось вредно,
Как вдруг, очнувшись, казначей
Вниманья просит у гостей.

XLVIII

И просит важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,

Но с тем, чтоб отыграть именье
Иль «проиграть уж и жену».
О страх! о ужас! о злодейство!
И как доньине казначейство
Еще терпеть его могло!
Всех будто варом обожгло.
Улан один прехладнокровно
К нему подходит. «Очень рад, –
Он говорит, – пускай шумят,
Мы дело кончим полюбовно,
Но только чур не плутовать –
Иначе вам несдобровать!»

XLIX

Теперь кружок понтеров праздных
Вообразить прошу я вас,
Цвета их лиц разнообразных,
Блистанье их очков и глаз,
Потом усастого героя,
Который понтирует стоя;
Против него меж двух свечей
Огромный лоб, седых кудрей
Покрытый редкими клочками,
Улыбкой вытянутый рот
И две руки с колодой – вот
И вся картина перед вами,
Когда прибавим вдалеке
Жену на креслах в уголке.

L

Что в ней тогда происходило –
Я не берусь вам объяснить:
Ее лицо изобразило
Так много мук, что, может быть,
Когда бы вы их разгадали,
Вы поневоле б зарыдали.
Но пусть участия слеза
Не отуманит вам глаза:
Смешно участие в человеке,
Который жил и знает свет.
Рассказы вымышленных бед
В чувствительном прошедшем веке
Не мало проливали слез...
Кто ж в этом выиграл – вопрос?

LI

Недолго битва продолжалась;
Улан отчаянно играл;
Над стариком судьба смеялась –
И жребий выпал... час настал...
Тогда Авдотья Николавна,
Встав с кресел, медленно и плавно
К столу в молчанье подошла –
Но только цвет ее чела
Был страшно бледен. Обомлела
Толпа, – все ждут чего-нибудь –
Упреков, жалоб, слез... Ничуть!
Она на мужа посмотрела
И бросила ему в лицо
Свое венчальное кольцо –

LII

И в обморок. Ее в охалку
Схватив – с добычей дорогой,
Забыв расчеты, саблю, шапку,
Улан отправился домой.
Путру вестью забавной
Смущен был город благонравный.
Неделю целую спустя,

Озорной Лермонтов. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru

Кто очень важно, кто шутя,
Об этом все распространялись.
Старик защитников нашел.
Улана проклял милый пол –
За что, мы, право, не дознались.
Не зависть ли?.. Но нет, нет, нет!
Ух! я не выношу клевет.

LIII

И вот конец печальной были,
Иль сказки – выражусь прямей.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали действия? страстей?
Повсюду нынче ищут драмы,
Все просят крови – даже дамы.
А я, как робкий ученик,
Остановился в лучший миг,
Простым нервическим припадком
Неловко сцену заключил,
Соперников не помирил
И не поспорил их порядком..
Что ж делать! Вот вам мой рассказ,
Друзья; покамест будет с вас.

Примечания

1 Скорей! (фр.)

2 И я вас поздравляю (фр.).

3 Маркиз де Тесс (фр.).

4 «Ну, сударь, что я вижу!» – «Ах, это вы!»
«Что это за шум? Что вы делаете?» –
«Я <...>!» (фр.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://lermontovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!